Проблемы учения о вменяемости и невменяемости в уголовном праве Российской Федерации

Борисевич Михаил Михайлович
канд. юрид. наук, профессор, профессор кафедры государственного управления и права Московского международного университета, rat4810@mail.ru

Пяткевич Иван Николаевич
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры Государственного управления и права Московского международного университета, i.pyatckevich@yandex.ru

В статье исследуется связь психического состояния лица с его способностью осознавать собственное поведение, руководить им в момент деяния. На материале российских публикаций 2022–2025 гг. сопоставлены доктринальные определения вменяемости с положениями ст. 19–22 УК РФ. Цель исследования состоит в установлении оснований разграничения рассматриваемых состояний, определении проблем их уголовно-правовой оценки. Анализ источников проведен с использованием сравнительного метода, классификации, юридического толкования. Установлено, что расхождения затрагивают содержание вменяемости, оценку степени нарушения психических функций, учет расстройства при назначении наказания. Предложена последовательность оценки, связывающая клинические сведения с влиянием расстройства на конкретное поведение, последующим определением правового статуса лица. Рассмотрено самостоятельное основание применения ч. 3 ст. 20 УК РФ к несовершеннолетним с непатологическим отставанием в психическом развитии. Результаты могут использоваться при анализе мотивировки судебных решений, согласовании экспертных выводов с критериями уголовного закона.

Ключевые слова: вменяемость, невменяемость, субъект преступления, психическое расстройство, ограниченная вменяемость, судебно-психиатрическая экспертиза, уголовная ответственность, возрастная невменяемость.

Введение

Статья 19 УК РФ относит вменяемость к общим условиям уголовной ответственности, ее содержание раскрывается в нормах о психическом состоянии лица во время совершения деяния. При разрешении вопроса об ответственности устанавливается способность осознавать фактический характер и общественную опасность собственного поведения, руководить им. Связь этой способности с психическим расстройством получает правовую оценку по ст. 21, 22 УК РФ. Для несовершеннолетних отдельное значение имеет уровень психического развития, предусмотренный ч. 3 ст. 20 УК РФ.

Законодательное описание невменяемости послужило основой для нескольких доктринальных трактовок вменяемости. В работах А. А. Житкова [4], Н. А. Ковтун, Д. С. Торопова [6] ее определение рассматривается через признаки субъекта преступления, содержание смежных норм. Изучение этих трактовок связано с вопросом о том, какие сведения о психике приобретают юридическое значение. Диагноз характеризует состояние здоровья, вывод о вменяемости относится к способности лица отвечать за конкретное поведение. Переход между этими оценками составляет предмет разногласий, исследованных Д. Ю. Кузнецовым [7].

Цель статьи – установить основания разграничения вменяемости, невменяемости, ограниченной способности к осознанному поведению, определить проблемы их уголовно-правовой оценки. Для этого сопоставляются определения рассматриваемых категорий, систематизируются критерии оценки психического состояния, исследуется связь экспертных выводов с правовыми последствиями. Предлагаемый подход сосредоточен на обосновании перехода от сведений о психике к оценке способности лица в момент деяния.

Материалы и методы

Источниковую основу составили российские научные публикации 2022–2025 гг., посвященные признакам субъекта преступления, уголовно-правовому значению психических состояний. Доктринальные определения изучались по работам о вменяемости, критериях невменяемости [2–8]. Учет психического расстройства при назначении наказания рассмотрен по публикации Р. В. Беличенко [1], более широкий круг психоэмоциональных состояний – по исследованию В. В. Порайко [9]. Анализ положения несовершеннолетних опирался на работу М. И. Синяевой, И. О. Макеевой [10]. Нормативную основу образовали ст. 19–22 УК РФ. Количественные сведения о применении принудительных мер медицинского характера использованы по публикации М. Й. Муркштис [8].

При сопоставлении источников учитывалось, какое значение авторы придают состоянию психики, его влиянию на поведение. Определения соотносились с условиями применения соответствующей нормы УК РФ. Классификация строилась по основанию нарушения способности к осознанному поведению, степени ее сохранности. Отдельно анализировались положения о компетенции эксперта, правовой оценке заключения. Это разграничение использовано при формулировании последовательности оценки психического состояния лица.

Результаты

Содержание вменяемости в исследованных работах выводится из способности лица к осознанному волевому поведению. Отсутствие самостоятельной законодательной дефиниции рассматривается в публикации Н. А. Ковтун, Д. С. Торопова [6] как вопрос о критериях признака субъекта преступления. У А. А. Житкова [4] акцент перенесен на понятийную связь вменяемости с невменяемостью. Доктринальные расхождения, систематизированные Д. Ю. Кузнецовым [7], затрагивают юридическое содержание категории. Эти позиции сближает обращение к сохранности психических функций в период совершения деяния.

Конструкция ст. 21 УК РФ связывает невменяемость с болезненным состоянием психики, вследствие которого лицо утратило способность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. Медицинский критерий включает хроническое психическое расстройство, временное психическое расстройство, слабоумие, иное болезненное состояние психики. Перечень устанавливает круг состояний, имеющих значение

для применения нормы, их влияние на поведение раскрывается через юридический критерий. В исследовании В. В. Денисович [2] медицинская характеристика служит основанием оценки нарушения психической деятельности. Связь болезненного состояния с утратой осознания либо управления поведением рассматривается также О. А. Елисеевой [3].

Интеллектуальный элемент юридического критерия относится к пониманию содержания совершаемого деяния, его общественной опасности. Волевой элемент характеризует возможность руководить действиями с учетом осознаваемых обстоятельств. Союз «либо» в ст. 21 УК РФ придает самостоятельное значение утрате каждой из этих способностей. Отсюда следует раздельная оценка осознания ситуации, контроля над поведением. Вывод о сохранности интеллектуальной функции описывает лишь соответствующую часть юридического критерия [2, 3].

Указание на момент общественно опасного деяния в ст. 21 УК РФ задает временные границы оценки. Клинические сведения соотносятся с проявлениями расстройства именно в этот период. Здесь диагноз используется для объяснения болезненной основы нарушения, правовой вывод опирается на установленное воздействие болезни на способность осознавать деяние либо руководить им [2, 3, 5].

Для применения ст. 22 УК РФ также устанавливается влияние психического расстройства на поведение, степень нарушения выражена ограничением соответствующей способности. Лицо остается вменяемым, подлежит уголовной ответственности. В работах Н. А. Ковтун, Д. С. Торопова [6] рассматриваются основания ответственности в подобных случаях. Исследование Р. В. Беличенко [1] посвящено учету установленного состояния при выборе наказания. Терминологическая сторона вопроса раскрыта А. А. Житковым [4] через употребление понятий ограниченной, уменьшенной вменяемости.

Степень нарушения психической функции служит основанием разграничения ст. 21, 22 УК РФ. В ст. 22 законодатель описывает ограниченную способность осознавать деяние либо руководить поведением, оставляя ее конкретную выраженность предметом исследования состояния лица. Применение качественного критерия связано с описанием того, как проявлялось расстройство в юридически значимый период. Клинические сведения получают правовое значение после установления их связи с сохранностью осознания либо волевого контроля [1, 5, 8].

Часть 2 ст. 22 УК РФ связывает установленное расстройство с назначением наказания, допускает применение принудительных мер медицинского характера. Обязанность учитывать состояние психики закреплена непосредственно в законе. Конкретное значение ограничения способности определяется при индивидуализации наказания. В исследовании Р. В. Беличенко [1] этот вопрос рассматривается через соотношение кары, гуманизма уголовной ответственности. Предмет оценки здесь включает связь расстройства с совершенным преступлением, степень сохранности способности лица управлять поведением.

При невменяемости уголовная ответственность за деяние, совершенное в соответствующем состоянии, исключается. В теоретическом объяснении О. А. Елисеевой [3] последствие связано с отсутствием признака субъекта преступления. Возможность назначения принудительных мер медицинского характера предусмотрена ч. 2 ст. 21 УК РФ. Решение об их применении принимается на закрепленных законом основаниях, которые устанавливаются при оценке состояния лица.

Положение несовершеннолетнего по ч. 3 ст. 20 УК РФ обусловлено непатологическим отставанием в психическом развитии. Норма применяется к лицу, достигшему предусмотренного законом возраста, чье отставание повлияло на способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность действий либо руководить ими во время деяния. Уголовная ответственность в этом случае исключается. В работе М. И. Синяевой, И. О. Макеевой [10] основания применения нормы исследуются через категорию возрастной невменяемости. Непатологическая природа отставания составляет самостоятельное условие, сохраняющее значение при оценке функционального ограничения.

Возрастной критерий в классификации М. Й. Муркштис [8] включен в оценку наряду с медицинским, юридическим. Его использование связано с разграничением достигнутого возраста, фактического психического развития несовершеннолетнего. Содержание ч. 3 ст. 20 УК РФ предполагает исследование развития применительно к конкретному поведению подростка. Для квалификации состояния устанавливается происхождение отставания, затем его влияние на осознание деяния либо управление действиями [8, 10].

Судебно-психиатрическое исследование дает специальные сведения о состоянии лица. В публикации О. В. Журкиной [5] его значение раскрывается при разграничении вменяемости, невменяемости, состояния по ст. 22 УК РФ. Эксперт оценивает клинические проявления расстройства, их воздействие на психические функции. Суд соотносит заключение с другими доказательствами, определяет правовое значение установленных обстоятельств. Распределение этих задач связано с различным предметом оценки на каждом этапе.

При ретроспективном исследовании медицинские документы сопоставляются с данными о поведении лица, обстоятельствах деяния. Результаты позднейшего клинического обследования соотносятся с восстановленной картиной события. Обоснование вывода зависит от согласованности сведений, по которым можно судить о проявлении расстройства в исследуемый период. Установив болезненную основу нарушения, эксперт раскрывает ее функциональное выражение, полученное описание соотносится с уголовно-правовым критерием [2, 3, 5].

Вопрос о психоэмоциональных состояниях расширяет круг сведений, учитываемых при оценке поведения. Работа В. В. Порайко [9] связывает их уголовно-правовое значение с назначением наказания. При рассмотрении вменяемости значение получает воздействие состояния на осознание деяния, волевой контроль. Правовая оценка эмоционального напряжения определяется условиями соответствующего института. Отнесение состояния к болезненному нарушению психики обосновывается специальными сведениями о его природе [2, 9].

В статистике, приведенной М. Й. Муркштис, за 2019 г. зарегистрировано 8326 случаев применения принудительных мер медицинского характера, за 2020 г. – 7657, за 2021 г. – 8234. Для дел о кражах указаны соответственно 2169, 1998, 2200 случаев [8, с. 297]. Интерпретация этих величин ограничивается содержанием учетной категории применения медицинских мер. Частота отдельных психических расстройств устанавливается по их распределению среди обследованных лиц, что составляет отдельный предмет статистического наблюдения.

При сохранности осознанной волевой регуляции устанавливается вменяемость. Ограничение соответствующей способности вследствие психического расстройства оценивается по ст. 22 УК РФ, ее утрата по основаниям ст. 21 – как невменяемость. Еще один вариант закреплен ч. 3 ст. 20 для несовершеннолетнего с непатологическим отставанием в развитии. Полученная классификация охватывает четыре правовых состояния, каждое из которых определяется сочетанием происхождения нарушения, его влияния на поведение. Сходное описание ограниченной способности в отдельных нормах сопровождается собственными условиями применения, правовыми последствиями.

Обсуждение

Зависимость доктринального определения вменяемости от нескольких положений УК РФ объясняет обращение исследователей к законодательной дефиниции [4, 6, 7]. Содержание предполагаемого определения связывается с сохранностью способности к осознанному поведению. При подобной формулировке наличие психического расстройства оценивается через фактическое влияние на эту способность. Обсуждение дефиниции приобретает предметный характер, когда уточняется ее место в системе уже действующих норм, связь с юридическим критерием. Само закрепление термина оставляет открытым вопрос о доказательственном обосновании состояния конкретного лица.

В разграничении ст. 21, 22 УК РФ центральное место занимает мотивировка вывода о степени нарушения. Указание на выраженность симптомов получает юридическое значение через описание их проявления в обстоятельствах деяния. Для оценки осознания существенна связь клинических сведений с тем, как лицо воспринимало собственные действия, их общественную опасность. Вопрос о волевом контроле относится к возможности руководить поведением в исследуемой ситуации. Подробность клинического описания, точность этой связи характеризуют разные стороны обоснования. Предлагаемый порядок анализа сосредоточивает внимание на переходе между ними.

Термин «ограниченная вменяемость» обозначает состояние по ст. 22 УК РФ, степень сохранности психических функций остается предметом самостоятельного описания [1, 4, 8]. Через интеллектуальное нарушение раскрывается понимание деяния, исследование волевой сферы относится к возможности управлять действием. При сочетании нарушений устанавливается их совместное проявление в поведении. В научном тексте обобщающий термин обозначает институт, при анализе конкретного состояния его содержание раскрывается через ограниченную способность.

При анализе экспертного заключения прослеживается связь специальных сведений с правовым выводом. Описание воздействия симптомов на поведение дает суду основания оценить соответствие состояния нормативному критерию. В этой части содержание заключения становится доступным для юридической аргументации. Отдельного рассмотрения заслуживает временная привязка сведений, особенно при исследовании состояния после события. Чем полнее восстановлены его проявления в период деяния, тем определеннее основания для оценки интеллектуально-волевой способности. Предмет дальнейшей разработки здесь – способы обоснования ретроспективного вывода с учетом доступных данных.

Индивидуализация наказания по ст. 22 УК РФ связана с оценкой значения уже установленного ограничения. Сопоставление работ Р. В. Беличенко [1], В. В. Порайко [9] ставит вопрос о том, как сведения о психическом состоянии отражаются в судебной мотивировке. Анализ решений может показать, какую роль суд придает воздействию расстройства на совершенное преступление, как объясняет выбор наказания. Для исследования этой связи пригодны выборки, в которых экспертная характеристика состояния соотнесена с мотивами решения. Совокупные сведения о применении медицинских мер характеризуют другой уровень практики – объем соответствующей категории дел.

В отношении несовершеннолетних функциональная оценка дополняется исследованием происхождения отставания в развитии. Обозначение «возрастная невменяемость», используемое М. И. Синяевой, И. О. Макеевой [10], отражает принятый в литературе способ описания института. Применение ч. 3 ст. 20 УК РФ обусловлено непатологической природой отставания, его влиянием на способность подростка в период деяния. Совместное использование психологических, психиатрических сведений относится к обоснованию этих условий. Исследовательский интерес представляет описание конкретных проявлений развития, которые могут быть соотнесены с поведением несовершеннолетнего.

Предложенная последовательность оценки организует аргументацию по конкретному состоянию в пределах доступных сведений о юридически значимом периоде. Проверить ее применение можно по судебным решениям, где экспертная характеристика соотнесена с оценкой способности лица, назначенным наказанием либо медицинской мерой. Анализ мотивировки даст основания установить, какие звенья обоснования раскрываются подробно, где сохраняются пробелы.

Заключение

Разграничение рассматриваемых состояний определяется происхождением нарушения, степенью сохранности способности к осознанному волевому поведению в момент деяния. Болезненное состояние психики получает уголовно-правовое значение через его установленное воздействие на эту способность. Для несовершеннолетних самостоятельное основание оценки образует непатологическое отставание в психическом развитии. Учет происхождения нарушения сохраняет границы соответствующих норм при близком содержании используемого функционального критерия.

Основной результат исследования – последовательность обоснования правового вывода, в которой клинические сведения соотносятся с проявлением нарушения в конкретном поведении. По этой связи определяется состояние лица, оцениваются предусмотренные законом последствия.

Литература

1. Беличенко Р. В. Кара и гуманизм уголовной ответственности ограниченно вменяемых лиц // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3 (95). С. 65–69. DOI 10.35750/2071-8284-2022-3-65-69.

2. Денисович В. В. К вопросу о медицинских критериях невменяемости в уголовном праве // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2022. № 2 (18). С. 46–52. DOI 10.47475/2409-4102-2022-10207.

3. Елисеева О. А. Теоретические основы невменяемости // Право и государство: теория и практика. 2022. № 2 (206). С. 229–231. DOI 10.47643/1815-1337_2022_2_229.

4. Житков А. А. К вопросу о понятии вменяемости в уголовном праве // Ius Publicum et Privatum. 2023. № 3 (23). С. 142–147. DOI 10.46741/2713-2811.2023.23.3.017.

5. Журкина О. В. Вменяемость и невменяемость в уголовном праве // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15. № 9А. С. 288–293.

6. Ковтун Н. А., Торопов Д. С. Вменяемость и ее критерии в теории и практике применения уголовного законодательства // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 7. № 2 (14). С. 39–44.

7. Кузнецов Д. Ю. Доктринальные проблемы осмысления уголовно-правовой категории невменяемости // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4. С. 345–351. EDN WXZAHV.

8. Муркштис М. Й. Теоретические аспекты вменяемости, невменяемости и ограниченной вменяемости субъекта преступления // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 2. С. 295–302. DOI 10.20310/2587-9340-2023-7-2-295-302.

9. Порайко В. В. Уголовно-релевантные психоэмоциональные состояния личности: проблемы учета при назначении наказания // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 10. С. 131–142. DOI 10.17803/1994-1471.2024.167.10.131-142.

10. Синяева М. И., Макеева И. О. Возрастная невменяемость и ее уголовно-правовые последствия // Юридическая психология. 2024. № 3. С. 32–36. DOI 10.18572/2071-1204-2024-3-32-36.

Problems of the doctrine of sanity and insanity in the criminal law of the Russian Federation

Borisevich M.M., Pyatkevich I.N.
Moscow International University

The article examines how a person's mental condition affects the capacity to understand and control conduct at the time of an act. Russian publications from 2022–2025 are used to compare doctrinal definitions of sanity with Articles 19–22 of the Criminal Code of the Russian Federation. The study aims to identify the grounds for distinguishing the conditions under review and the problems involved in their legal assessment. The sources are examined through comparative analysis, classification and legal interpretation. The analysis identifies disagreements concerning the meaning of sanity, the degree of impairment of mental functions and the consideration of mental disorders in sentencing. A sequence of assessment is proposed that connects clinical findings with their effects on specific conduct and the subsequent determination of legal status. The separate grounds for applying Article 20(3) to minors with non-pathological developmental delay are also examined. The findings may inform the analysis of judicial reasoning and the assessment of expert conclusions against criminal-law criteria.

Keywords: sanity, insanity, offender, mental disorder, diminished responsibility, forensic psychiatric examination, criminal liability, age-related incapacity.

References

1. Belichenko R. V. Retribution and humanism of criminal responsibility of persons with diminished responsibility. Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (95). Pp. 65–69. DOI 10.35750/2071-8284-2022-3-65-69.
2. Denisovich V. V. On the issue of medical criteria of insanity in criminal law. Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare. 2022. No. 2 (18). Pp. 46–52. DOI 10.47475/2409-4102-2022-10207.
3. Eliseeva O. A. Theoretical foundations of insanity. Law and State: The Theory and Practice. 2022. No. 2 (206). Pp. 229–231. DOI 10.47643/1815-1337_2022_2_229.
4. Zhitkov A. A. On the sanity concept in criminal law. Ius Publicum et Privatum. 2023. No. 3 (23). Pp. 142–147. DOI 10.46741/2713-2811.2023.23.3.017.
5. Zhurkina O. V. Sanity and insanity in criminal law. Matters of Russian and International Law. 2025. Vol. 15. No. 9A. Pp. 288–293.
6. Kovtun N. A., Toropov D. S. Sanity and its criteria in the theory and practice of application of criminal law. Scientific Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. Vol. 7. No. 2 (14). Pp. 39–44.
7. Kuznetsov D. Yu. Doctrinal problems of understanding the criminal-law category of insanity. Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2025. No. 4. Pp. 345–351. EDN WXZAHV.
8. Murkshtis M. Y. Theoretical aspects of sanity, insanity and limited sanity of crime subject. Current Issues of the State and Law. 2023. Vol. 7. No. 2. Pp. 295–302. DOI 10.20310/2587-9340-2023-7-2-295-302.
9. Porayko V. V. Criminally relevant psycho-emotional states of a person: problems of consideration in sentencing. Actual Problems of Russian Law. 2024. Vol. 19. No. 10. Pp. 131–142. DOI 10.17803/1994-1471.2024.167.10.131-142.